

Автор: Рейдерман И.

Автор: Зиневич А.

Если не заглядывать в словарные статьи, то понятие мировоззрения можно определить так: взгляд на Мир как на нечто целое, внутренне связанное, имеющее некий смысл. Конечно, нас интересует не просто Мир, но наше место в нём, а, следовательно, и ответ на вопросы, кто мы, в чём смысл нашей жизни. Не слишком вдаваясь в классификации, скажем лишь, что мы чаще всего встречаемся с обыденным мировоззрением, которое, в сущности, на статус настоящего, продуманного, серьезного мировоззрения «не тянет», не требует от его носителя гигантских интеллектуальных усилий, но зато притёрто к реалиям социума и прагматично. Не избежать нам и знакомства с научным мировоззрением, которое признается «самым правильным», но в экзистенциальной философии почти единодушно считается недостаточным для понимания человека именно как человека, а не усовершенствованной обезьяны. Ещё меньше оно даёт нам для понимания самих себя. А экзистенциальное мировоззрение не воспринимается всерьёз — именно в качестве мировоззрения, позволяющего принципиально иначе взглянуть на самих себя и мир. Разумеется, это обусловлено современной цивилизацией, в которой меньше всего внимания уделяется экзистенциальному, ибо в ней человек понимается прежде всего как элемент социальной системы, обладающий профессиональными знаниями-умениями, а значит, способный зарабатывать и тратить деньги.

Экзистенциальное мировоззрение связано с обращением человека к самому себе, с открытием себя, с постижением собственной субъективности, некоего не вполне артикулируемого глубинного содержания, которое и принято называть экзистенцией. Казалось бы, о каком открытии может идти речь? Ведь это так очевидно: Я называю себя «Я», и это «Я» — есть... Очевидно? Вот эту очевидность экзистенциальная философия и поставила под вопрос. Вместо великого философского вопроса «почему вообще есть нечто, а не ничто?» заданы вопросы, для нас не менее важные: что такое бытие человека, что для него значит «быть», всегда ли человек на самом деле «есть» или иной раз присутствует совершенно формально, как некая наличествующая вещь?

* * *

Сейчас появляется мода на так называемое философское консультирование. Но чем же поможет поднаторевший в ловкости бессовестного рассудка прагматик-софист? На деле, тут должна бы идти серьёзная мировоззренческая работа, оспаривающая ложные мировоззренческие установки. Тут первенство должно быть отдано не логическому, а этическому. Западные терапевты говорят, что мировоззренческие взгляды — личное дело клиента, и лучше этого не касаться. Такая позиция представляется нам неверной. Конечно, опровергать мировоззренческие взгляды клиента в прямом споре, может быть, и не стоит. Но обнаруживать связь между его мировоззрением и его собственной жизненной ситуацией — мы обязаны. Ибо мировоззрение не может быть нейтральным (оно проглядывается за каждым отдельным поступком человека). А значит, в результате «исследования» оснований своих поступков человеку нужно понять, как он, следуя внушённым ему «идеям», дошёл до жизни такой. У каждого из вариантов мировоззрений есть границы и разрешающие возможности в понимании собственной жизни. Тезис философии постмодерна, что сегодня нет места «большим нарративам», то есть последовательным и осознанным мировоззрениям — не более чем лукавство. Конечно, голова массового человека битком набита предрассудками, заимствованными из СМИ, то есть некоей социальной идеологией, в ней царит страшная эклектика. Можно сказать, что это и есть стихийный, не упорядоченный суррогат отсутствующего мировоззрения. Тезис «заботы о себе», разделяемый нами, предполагает, что должна быть работа ума, работа души, работа духа. Эта работа и предполагает нелёгкий труд по созданию собственного мировоззрения, не отвлечённого и абстрактного, а связанного с твоими собственными ответами на вопросы, как жить, поступать, каким ценностям следовать. Можно сказать, что мы, выбрав те или иные мировоззренческие установки, уподобляемся штурману, который прокладывает курс корабля, что мы определённым образом направляем свою жизнь.

И у терапевта должно быть собственное мировоззрение, и он не должен скрывать его. В вопросах этики, в вопросах ценностей — не может быть нейтралитета. Следовательно, он обязан иметь своё представление о том, что «правильно» и «неправильно», хотя с точки зрения массового индивида никаких «правильно» и «неправильно» уже не существует, а есть лишь его собственная точка зрения. И ничего ему не докажешь, пока он со своей собственной «точки зрения» не упадёт в свою же собственную лужу и, пытаясь подняться, не пойдёт к психотерапевту. И если психотерапевт будет всего лишь разматывать запутавшийся клубок чужой жизни, развязывать узелки (даже если он как эмпирик наловчился делать это хорошо и реально облегчает страдания клиента,) — это, с нашей точки зрения, всё же некая разновидность «психоложества». Ведь в ходе терапии — человек должен осознать свои ошибки. «И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклинаю, И горько жалуюсь, и горько слезы лью, Но строк печальных не смываю» (А.С. Пушкин). Но ведь какое мужество нужно иметь, чтобы смотреть правде в глаза! А может, ещё большее, чтобы признать: есть она в мире, эта Правда. Нравственная правда, которую никто не отменял, даже если в сегодняшнем социуме она не в чести. Она же и экзистенциальная — потому что её нехватку больно переживаешь, потому что ей трудно следовать, потому что без неё жизнь скукоживается в

автоматическое и бессмысленное существование. Экзистенциальный психотерапевт, разумеется, не должен претендовать на роль «судьи», монопольного владельца истины, — его задача в ходе терапии помочь клиенту стать судьей самого себя. То есть в конечном счёте — вырастить в нём новый уровень саморефлексии. Но главный результат, разумеется, в том, чтобы человек, осознавший свои заблуждения («блуд» и «блуждание»), стал на путь, ведущий от существования к Бытию. Истина Бытия, которую мы стремимся осуществить в своей жизни — может быть обретена только в пути. Человек должен сам искать свой собственный, ведущий к экзистенциальной истине путь. Мы его можем к этому только подвести. А в пути этом он должен пребывать, что называется, с «полной выкладкой», неся груз экзистенциальных ценностей, которые то и дело в той или иной ситуации нужно осуществлять. Кажется, мы тут несколько раз неосторожно употребили слово «должен», да ещё заговорили о выборе правильного пути и о трудностях его, что противоречит расхожим стереотипам потребительского общества эпохи постмодерна. Экзистенциальный психотерапевт вынужден определиться по отношению к цивилизации постмодерна: помогать ли человеку приспособляться к ней, утрачивая путь, ведущий к полноте бытия и человечности — или исходить из этического и онтологического максимализма.

* * *

В нашем сознании все ещё преобладают некие устойчивые предрассудки, «идеологемы», и главный из них я бы назвал грехом социентризма. Господствовавшая в вульгаризированном виде марксистская идеология была всего лишь одним из моментов того понимания человека, которое агрессивно противопоставлялось религиозной и философской метафизике. Редуцирование всего богатства человеческого бытия к социальному. Социентризм — это когда центром всего является социум, а не человеческая личность, человек же является лишь подчинённым элементом системы. Его дело — быть на своём месте, исправно исполнять свои функции. Человек — винтик. Может показаться, что мы от этого понимания человека ушли далеко. Так ли далеко?

Социентризм — взгляд на человека извне, с точки зрения социума. Важно не то, каков он на самом деле, не что у него «внутри», а как он выглядит, насколько эффективно исполняет возложенные на него социальные функции. Такой взгляд неизбежно является объективирующим, то есть превращающим человека в объект, в социальную вещь. В социологии давно бытует термин «овещнение». Когда мы являемся друг для друга вещами, экзистенциальное (подлинно человеческое) общение невозможно. И если уж продолжать разговор на языке социологии, то следует

повторить давно известные вещи: в рыночном обществе человек превращается в товар, и чтобы его «купили», ему следует иметь наилучший товарный вид. Иными словами — человек не только не противится объективации со стороны социума, но сам активно идёт навстречу социальным ожиданиям, сам конструирует приемлемый имидж, вживается в социальную роль, с которой себя идентифицирует. Гипертрофированное внешнее кажется последней реальностью, и вытесняет внутреннее, экзистенциальное. Термин «вытеснение» — из словаря психоаналитиков. Так вот, вытесняется, запихивается в дальний угол, становится неосознаваемым — человеческое в человеке, его экзистенция, его возможность быть иным, подлинным.

Выходит, экзистенциальный терапевт встречается не только с личными проблемами клиента. Прежде всего он встречается с мощным заслоном, препятствующим даже осознанию экзистенциальных проблем, с силой социального предрассудка, с принципиальной трудностью для клиента выйти за пределы социального горизонта и посмотреть на себя иными, свободными, как бы общечеловеческими глазами, «духовными очами».

Человек, который и сам к себе относится как вещи, потому что таким он видится глазами социума, человек, осознающий себя «товаром», который нужно повыгоднее продать, есть выражение предельно неуважительного отношения человека к самому себе. Случайна ли попытка иных терапевтов найти мировоззренческие основания для иного, предельно уважительного взгляда на человека? Такого рода мировоззренческие основания они обнаруживают в христианстве, где человек есть создание Божие, Тайна, где в нём присутствуют душа и дух (тогда как в светской, научной психологии — ничто душе и духу не соответствует).

«Высокий» и «низкий» взгляд на человека... Я полагаю, что вся экзистенциальная терапия, в конечном счёте, сводится к «возвышению человека». Ибо он унижен и оскорблён не просто некими конкретными обстоятельствами, а изначально, — его низвели к вещи, с ним, как с субъектом, потенциальной личностью не считаются, его уже в процессе воспитания и социализации выделывают как «продукт», обладающий нужными качествами, его свободную экзистенцию подавляют. Можно сказать, что перед нами социальная патология, которая, будучи спроецирована на людей, переживается как хроническое неуважение, даже хроническая нелюбовь.

Причиной «низкого», неуважительного взгляда на человека является господство инструментально-технического рассудка, узко понятая рациональность (как «целерациональность»). Тут и хочется вспомнить Канта — «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» (Кант, 1965, с. 270). Иными словами — отношению к человеку как к вещи противостоит отношение к человеку как к Лицу, обладающему всей полнотой, даже абсолютностью человеческого достоинства. И если мы говорим о человеческом бытии, то Бытие возможно только в уважительном дискурсе. Оно не есть вещь, оно есть возможность, которая иногда сбывается — если мы ведём себя так, чтобы позволить ему сбыться. То есть и сами становимся такими, какими можем быть, а не остаёмся такими, какими нас «сделали», изготовили почти фабричным способом.

Итак, выявляется, что на пути к истине человеческого бытия стоит враг ещё более мощный, чем социальные предрассудки, ползучая идеология обыденности. И этот враг — наш собственный рассудок, «великий комбинатор» и конструктор, всегда находящий лживые оправдания, насильственно упрощающий картинку, на которой мы выйдем «не хуже других». Как будто мы забыли слова одного из персонажей Достоевского, что ум — подлец. Верить ли громкому и уверенному голосу бессовестного рассудка — или тихому голосу нравственного чувства? Тут как раз и открывается поле экзистенциального выбора. И заодно становится ясно, что экзистенциальные проблемы невозможно отделить от этики.

Более того, проповедуемая психотерапевтами «нейтральность» есть не отказ от мировоззрения, но определенное мировоззрение, уходящее корнями в механистическую картину мира эпохи Просвещения, унаследованное наукой Нового времени. При этом, по мнению американского феноменолога и психиатра Майкла Шварца и его коллеги Осборна Виггинса, механистическое понимание психической болезни в эпоху Просвещения еще было встроено в универсальную философию, включавшую «сферу политики и морали. Она была призвана направлять жизнь и деятельность человека, не разграничивая сферу ценностей и научное исследование» (Виггинс, Шварц, 1999, с. 6). Раскол произошел позже, в Новое время, когда «естественные науки систематически абстрагируются от ценностей... считаются свободными от ценностей и нейтральными» (Виггинс, Шварц, 1999, с. 6). М. Шварц и О. Виггинс считают, что «философия сделала возможной эту абстракцию путем создания метафизического дуализма духа и тела, таким образом исключая ценности из внешнего мира, чтобы поместить их во внутреннюю сферу сознания» (Виггинс, Шварц, 1999, с. 7), подразумевая дуализм Р. Декарта. Ученый должен был занять по отношению к лишенной ценностей природе нейтральную позицию, вынеся свои ценности за скобки.

Психиатрия попала в разряд естественных наук, то есть занялась человеком как телом, вследствие чего не была сформулирована концепция «психического здоровья». Шварц и Виггинс утверждают, что ее нет до сих пор (!), несмотря на расширяющиеся классификации психических болезней. В результате здоровье «по умолчанию означает социальную адаптацию (приспособленность)... соответствие ожиданиям общества». Значит, современный психиатр вовсе не занимается помощью человеку в нахождении его призвания, прояснении и формировании его мировоззрения и нравственных ориентиров, а выполняет «социальный заказ» общества! «Кризис, который мы описали, приводит к потере гуманитарных и этических основ понимания психически больных... Психиатрия потеряла свои основы в этическом понимании больного, то есть в том целостном понимании, которое позволяет видеть в человеке личность» (Виггинс, Шварц, 1999, с. 8). Но отличается ли от ситуации психиатрии ситуация психотерапии и консультирования?

* * *

Экзистенциальные философы, разуверившись в социальном прогрессе, вышли за пределы сциентизма и социоцентризма. Их ответ на вопрос, зачем, почему, для чего я должен быть человеком — связан с поиском трансцендентных оснований. Активность человека есть, прежде всего, внутренняя экзистенциальная активность, трансформация самого себя. В разговоре об этом нам придётся ввести термин «Метасоциальное» — для обозначения того, что находится за пределами социума, трансцендентно по отношению к нему. В религиозном контексте инстанцией Метасоциального является Бог. В светском мировоззрении — это некий символ, в опоре на который личность способна сохранить внутреннюю свободу и устоять перед натиском социума.

Нам близка концепция «транссоциального», высказанная в работах одного из ведущих современных теоретиков экзистенциальной психологии Дмитрия Леонтьева:

«Когда человек выходит за рамки того, что он усвоил для приспособления к окружающей среде, возникает индивидуальная ситуация развития, которая связана с необходимостью самоопределения не только по отношению к своим биологическим предпосылкам, но и по отношению к социальным предпосылкам. Самоопределение личности — нахождение своего индивидуального пути, разидентификация с

социальным целым, черед которой наступает после того, как индивид исчерпал ресурсы развития, предоставленные идентификацией с ним на предыдущем этапе» (Леонтьев, 2012). Транссоциальной опорой определяющей себя личности в концепции Д. Леонтьева оказывается культура — не так, как она дана в процессе воспитания и образования внутри социума, а как она постигается в свободном общении личности с произведениями мировой культуры в своего рода экзистенциально-духовном поле. Вот одна из важных для нас формул: «В развитой личности социального в точном смысле слова нет, оно преодолевается, снимается культурным» (Леонтьев, 2012).

Мы предпочитаем пользоваться термином «Метасоциальное». Не хотелось бы никаких возникающих на уровне лексики ассоциаций с трансowymi состояниями или трансперсональной психологией. А «мета» — отсылает и к метафизике, и к метатеории. То есть к неким базовым ориентирам, стоящими «над» ориентирами социальными и «за» их пределами. Понятно, что это самые общие ориентиры. Утрата такого рода ориентиров, метафорически названная «смертью Бога» — источник кризиса и человека, и сегодняшнего социума. Главным способом «навигации» человека в его жизненном пути прежде являлось соотнесение всякого своего частного акта с неким Целым, согласование поступка с тем, что больше тебя, с тем «объемлющим» тебя (термин К. Ясперса), внутри которого ты находишься. В таком случае твой поступок есть не поступок самонадеянного самозванца, а подлинно бытийный акт, в котором ты соизмеряешь свою жизнь с требованиями Целого, требованием гармонизации своей жизни со всем бытием.

Для экзистенциального психиатра Евгения Минковского главная задача человека — достижение «гармонического единства с жизнью», приход в «согласие» с ней, поступок, совершенный не «вразрез», а в унисон с бытием. На вопрос, до какой степени необходимо позволить действовать на себя внешним влияниям и до какой степени полезно изолироваться от окружения, чтоб сохранить свою оригинальность, Е. Минковский отвечает: «В основании лежит важный элемент, служащий в данном случае регулятором, который не поддается интеллектуализации, один из иррациональных элементов жизни, который мы можем назвать чувством гармонии с жизнью. Вопрос, поставленный выше, не решается иначе как индивидуально; решая его каждый для себя, мы не стремимся быть в согласии с логикой, но единственно быть в согласии с самими собой, гармонизировать себя с жизнью. Важно подчеркнуть, что чувствовать такое согласие с жизнью — совсем другое дело, чем разделять точку зрения большинства современников или же адаптироваться к современным мнениям» (Minkowski, 1997, с. 25).

Разумеется, Целое Бытия не может быть схвачено в непосредственном восприятии, но должно присутствовать как своего рода горизонт твоей жизни и мысли, как универсальный символ. Метасоциальное и выражает себя через символ Целого, символ Бытия как универсального бытия всего сущего. И как специфически человеческого бытия, которое нам надлежит осуществить — несмотря на равнодушие Космоса и ожесточённое сопротивление узких, «превращённых» форм Социума. Экзистенциальная философия, поставив во главу угла Бытие, создала универсальный символ, которым могут пользоваться приверженцы как религиозного, так и светского мировоззрения.

* * *

Однако, читая Хайдеггера, мы видим в его понимании Бытия нечто таинственное, чуть ли не мистическое, что возникает не по нашей воле, а даётся в Дар и чему следует подчиниться и служить. Читая же Сартра, мы видим другую крайность, — полный произвол в создании своего жизненного «проекта», как будто бытие есть то, что можно «спроектировать», сделать собственными руками. В одной позиции — созерцательная пассивность, в другой — крайний активизм современного Деятеля. Тот самый активизм, который на деле разрушает бытие — и природное, и человеческое. Как же понять Бытие — именно в качестве специфически человеческого бытия? Порой кажется, что экзистенциальная философия осталась памятником определённых умонастроений эпохи, описания болезней цивилизации, тревог, страхов, разочарований, мрачных пророчеств, — потому что так и не пришла к единому пониманию и бытия, и человека. У Хайдеггера мы не находим человека как личности. Но и у Сартра — налицо не личность, а заблудившийся в проявлениях своего своеволия индивидуалист. Экзистенциальная философия оставила нам в наследство не столько выверенные результаты, сколько метод постижения человека в его субъективности, экзистенциальный подход.

Но стоит спросить, к примеру, что же следует понимать под Личностью, как сразу возникнет множество сопутствующих вопросов. Если ответить, что личность — это не просто существо духовное, но сознательно духовное, осознающее и культивирующее себя в качестве духовного, то вопрос о том, что же понимать сегодня под духовностью, породит и вовсе необъятное множество противоречивых мнений. А не имея ответов на эти важнейшие вопросы, мы оставляем экзистенциальных терапевтов без Теории, обрекая их на эмпирический поиск подходящих в том или ином конкретном случае инструментов, методов, средств. Положение тех, кто работает в русле религиозно ориентированной психотерапии, в этом смысле кажется предпочтительней — ибо там, по крайней мере, есть своё понимание духовности, духовной болезни и т.п. Да и ответы

на заданные выше вопросы, которые дают классики экзистенциальной философии, не принадлежащие к атеистическому экзистенциализму, кажутся более выверенными. Однако работы Карла Ясперса и Габриэля Марселя не относятся, увы, к числу самых читаемых и популярных.

Представляется, что делая акцент на экзистенции, на неповторимо-уникальном своеобразии индивида, оказываемом под непосредственной угрозой в условиях современной техноквилизации, мы упускаем нечто важное, то, что делает человека носителем универсального, общечеловеческого начала. Не это ли начало мы называем Духом? Не присутствие ли Духа в человеке мы отождествляем с духовностью?

Следует говорить не исключительно об экзистенции, а о единстве экзистенциального и духовного, уникального и универсального в личности. Разумеется, оно не абсолютно, а, напротив, всегда проблематично. Оно даётся в усилиях. Дух (мы предпочитаем пользоваться этим понятием, которое кажется слегка архаичным) не дан всем и каждому в готовом виде. Обретение его в древние времена было связано с лишениями и страданиями в ходе инициации. Да и в христианстве «рождение от Духа» было, по существу, вторым рождением.

В светской культуре понятие Духа постепенно исчезает, оно подменяется Разумом. По существу — способностью мыслить и действовать рационально. В результате такой подмены в светском сознании исчезает и проблема духовности. Сегодня уже нельзя не видеть катастрофических последствий этого. Со всех сторон звучат слова о бездуховности современного социума, об упадке нравственности. Но при этом вовсе не проясняется, что же такое эта духовность, которую мы потеряли. В нашем сознании пропущено какое-то важное звено, которое напрямую связано с духовностью. Это звено — культура.

* * *

Тут следует несколько прояснить понимание культуры одним из авторов, который лет

тридцать назад был не удовлетворён начинавшей свой победный путь на постсоветском пространстве позитивистской культурологией и мечтал о создании культурологии экзистенциальной. Культуру не следует отождествлять с суммой информации, получаемой в процессе образования, равно как и с суммой произведений. Культура открывается человеку в личностных, экзистенциальных актах общения с ней. В этих актах произведение перестаёт быть объектом, готовым текстом, а оказывается неким «полем», духовным пространством. И читатель (или слушатель) оказывается не вовне, а внутри него. Оказавшись вне привычных рамок субъект-объектных отношений, а как бы в «иной реальности», человек переживает утрату своей прежней, приобретенной в рамках социума определённости — с ним происходят трансформации, он выходит из духовного поля культуры не таким, каким он вошёл в него. Естественно, возникает вопрос, сумеет ли он эти изменения осознать, удержать в себе, закрепить. В рамках данной работы нет возможности говорить об этом подробно.

Но нельзя не сказать, что Метасоциальное пространство со всей сферой ценностей и смыслов связано именно с культурой. Существует привычное заблуждение, что культура, поскольку она существует в социуме — всецело сводится к социальному. В этом сходятся и марксизм (в вульгаризированном виде — обозначивший культуру как «надстройку», которая обслуживает экономический базис), и фрейдизм. Последний отождествляет репрессивную по отношению к либидо функцию социума — с культурой. Если так, то свобода от социума есть одновременно и свобода от культуры — запретная свобода подсознательных импульсов. Так Фрейд вольно или невольно легализовал бунт против культуры, будущую контркультуру. Так же и Сартр отождествляет телесность, характер, национальность, историческую ситуацию и культуру человека, которой ему пришлось родиться — с «фактичностью», от которой следует освободиться в актах спонтанного выбора. Благодаря чему экзистенциальные терапевты отождествляют социальное и культурное и мыслят и биологию, и культуру пространством «несвободы», детерминирующим поведение человека. А Метасоциальное мыслят как проросшее сквозь биологию и социальность освободившееся индивидуальное.

Мы стоим на иной точке зрения, полагая, что Метасоциальное находится не «внизу», в тёмном биологическом подполье, а «вверху», в сфере духа, и связано с культурой. Культура, разумеется, существует в пространстве социума, но её идеалы, ценности, само её духовное содержание — в прокрустово ложе данного, здесь и сейчас существующего, заведомо ограниченного и несовершенного социума не умещается. Именно поэтому, трансцендируя за пределы социальных данностей, мы попадаем не в сферу, которую облюбовали мистики, переживающие состояния транса, — а в пространство культуры. И это не бегство от реальности, а возвышение над эмпирической действительностью, которая видится теперь с высоты и освещена светом идеальных требований по отношению к тому, что оказывается низким. Культура — это

идеальная модель мира и человека. И если я воспринимаю её всерьёз, то я причастен одновременно к двум «мирам» — к тому, что есть, наличествует как готовая данность, и к тому, который требует исполнения должного и реализации идеального. К миру эмпирии — и к идеальному миру духа. В таком случае я опосредствую свои реальные социальные акты духовными содержаниями культуры. И если мне удаётся совершить Поступок, вмести в него духовные содержания культуры, транслируемые через мою личность, то это и есть моменты подлинного Бытия. Бытия, в котором мир в его данности — преобразуется и одухотворяется.

Нельзя говорить о человеке, минуя его бытие в культуре. Бытие человека в культуре не просто «виртуальное», но и идеальное. Иными словами, тут отсутствуют те ограничения, которые есть в эмпирической действительности. В культуре человек в идеальной форме получает то, чего в реальной действительности нет, и это грандиозный дар. В культуре и свобода становится не концептом, а реальным переживанием. О переживании абсолютной свободы сообщают мистики. Но оно возможно в каждой культуре — и религиозной, и светской, без всякой мистики. Иначе мы будем вести умные разговоры о свободе — не имея экзистенциального опыта переживания свободы. Те, кто пережил тоталитаризм, не станут отождествлять пространство социального и культурного, зная, что когда социум культивирует бесчеловечность, когда истребляется любое личностное проявление (от «своего мнения» до сочувствия к осужденному родственнику), обесценивается жизнь единичного человека, то единственное пространство свободы, единственное место, где можно укрыться — это культура. Культура, в которой закодирована человечность. И человеческие формы взаимоотношений с другими. Человечность как идеал. Но уже в 1 веке н.э. мирское и духовное разделилось, стало «неотмирным», «не от мира сего». Было сказано: «...отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». И сама религиозность из внешнего дела «всех» (племени, общины, совершающей совестные обряды) стала внутренним делом каждого, ведущего беседу с Богом наедине, во «внутренней клетке» своего сердца. Возникло другое пространство — пространство духа.

Можно сказать, что в так понимаемой культуре возникает «иная реальность», противостоящая эмпирической. И, соответственно, иной человек. «Я эмпирический» — и «Я Иной» — во мне противостоят друг другу. И нужно всякий раз делать выбор — кому из них дать выразить себя в поступке. Стоит ли разъяснять, что этот Иной — и есть человек, в котором присутствует дух культуры, свернутый в некое единство и воспринимаемый как нечто от меня не отчуждаемое, во мне существующее, тождественное с моим личностным Я. Рождение человека как духовного существа — состоялось. Теперь он носитель Духа. Универсального, родового духа, духа человечества, духа культуры.

...Понятно, что в силу ограниченного объема статьи многое здесь обрисовано эскизно. Но сделана попытка соединить экзистенциальные проблемы с проблемами культурными, с духовными проблемами человеческого бытия. А если говорить об этом, спустившись с абстрактных высот к жизни конкретного человека, то речь должна идти о взаимодействии духа и экзистенции в жизни человека, о духовном руководстве собственной экзистенцией. Проблемы капитальных неудач и кризисов, с которыми сталкиваются экзистенциальные терапевты — в том, что люди не смогли управиться с собственной экзистенцией, не опознали своих подлинных экзистенциально-духовных потребностей — потому что им не удалось пережить «второе рождение», родиться духовно, стать личностями. Они жили в социальной эмпирии и не сумели трансцендировать за её пределы, ибо не умели войти в пространство культуры, были лишены способностей к общению с подлинной культурой.

ЛИТЕРАТУРА

Виггинс О., Шварц М. Кризис современной психиатрии: потеря личности // Независимый психиатрический журнал. 1999. № 4. С. 5–8.

Кант И. Соч. в 6 т., т. 4, ч.1. М., 1965.

Леонтьев Д. Человек за пределами биологического и социального // Человек в единстве социальных и биологических качеств. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. С. 234–242.

Minkowski E. Au-delà du rationalisme morbide, Paris: L'Harmattan, 1997.